

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2021

А. Г. Волкова

«Облако неведения» как образец апофатического мистицизма Средневековья

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_128

Аннотация: В статье рассматривается средневековый английский мистический трактат «Облако неведения» с позиций апофатического богословия. Апофатический способ богопознания основывается на принципиальном отрицании любых определений Бога, которые ограничивают истинный образ Божества. «Облако неведения» уже в названии обозначает принадлежность к этой богословской традиции: анонимный автор говорит о том, что познание Бога и приближение к Нему не может осуществляться ни с помощью любопытства (*curiosity of wit*), ни с помощью воображения (*imagination*). Анализ трактата позволяет вписать его в мистическую традицию английской средневековой прозы и, шире, в мистическую традицию европейской духовности.

Ключевые слова: апофатическое богословие, мистицизм, познание Бога, литература Средневековья, прозаическая традиция, мистическая проза, религиозный трактат, поэтика, метафорика.

Об авторе: **Анна Геннадьевна Волкова**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской духовной семинарии.

E-mail: volk8585@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7944-2431>

Ссылка на статью: Волкова А. Г. «Облако неведения» как образец апофатического мистицизма Средневековья // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 128–136.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Anna G. Volkova

**The “Cloud of Ignorance” as an Example
of the Apophatic Mysticism of the Middle Ages**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_128

Abstract: The article examines the medieval English mystical treatise “The Cloud of Ignorance” from the standpoint of apophatic theology. The apophatic way of knowing God is based on the fundamental denial of any definitions of God that limit the true image of the Divine. The “cloud of ignorance” already in the title denotes belonging to this theological tradition: the anonymous author says that knowing God and approaching Him cannot be carried out either with the help of curiosity of wit or with the help of imagination. The analysis of the treatise allows us to inscribe it into the mystical tradition of English medieval prose and, more broadly, into the mystical tradition of European spirituality.

Keywords: apophatic theology, mysticism, knowledge of God, literature of the Middle Ages, prosaic tradition, mystic prose, religious treatise, poetics, metaphor.

About the author: **Anna Gennadjevna Volkova**

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Historical and Church Practical Disciplines at Kaluga Theological Seminary.

E-mail: volk8585@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7944-2431>

Article link: Volkova A. G. The “Cloud of Ignorance” as an Example of the Apophatic Mysticism of the Middle Ages. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 128–136.

Апофатический, или отрицательный, способ Богопознания имеет достаточно долгую историю как в восточно-, так и в западнохристианской мистике. Один из текстов, написанных с позиций апофатики, — это анонимный английский трактат «Облако неведения» (The Cloud of Unknowing), написанный около 1375 г. Однако перед тем как проанализировать этот трактат, необходимо хотя бы кратко коснуться религиозного контекста, в котором создавалось это произведение.

Вопрос о границах и способах Богопознания является одним из основных вопросов богословия и, в частности, догматического богословия. Существует два пути Богопознания — катафатический (положительный) и апофатический (отрицательный): «постулируется возможность двух способов суждений о Боге — это метод утверждений (катафатический), допускающий частичное знание Бога по Его творению. И отрицательный (апофатический) метод, постулирующий абсолютное незнание в отношении Сверхсущего. И если апофатическое богословие ближе к неоплатонизму, то богословие катафатическое по духу ближе к формализованной догматике Вселенских соборов» [Макаров, 2002, 41].

Катафатический путь предполагает размышление над свойствами Бога: Господь есть Любовь, Истина, Красота, и через постижение этих Божественных качеств, энергий человек может приблизиться к познанию Бога. Катафатический путь был описан апостолом Павлом в Послании к Римлянам, когда он говорит о созерцании Творца через Его творение: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим 1:20). В какой-то мере катафатический способ ближе логическому, рациональному мышлению, в то время как апофатизм — это иррациональный, мистический путь.

Апофатический путь Богопознания по-другому называется отрицательным, так как он не признает определения Господа: «Все свойства, все слова, все качества, все мысли, существовавшие из этого мира, как бы мы их ни потенцировали и ни усиливали, абсолютно непригодны для характеристики того, что стоит за пределами этого мира» [Булгаков, 1994, 91].

Так как бытие Бога надмирно, сверхсущностно, то оно не может быть выражено через сравнения, определения: «Общею особенностью отрицательного богословия в сфере мышления является его безусловно отрицательный характер, все его содержание исчерпывается одним НЕ или СВЕРХ, которое оно приставляет безразлично ко всем возможным определениям Божества» [Булгаков, 1994, 93].

Знаковым исследованием отрицательного богословия является труд профессора В. Н. Лосского (1903–1958) «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» [Лосский, 2013], в самом начале которого рассматривается один из наиболее концептуальных текстов, развивающий и суммирующий идеи апофатического богословия, — трактат Псевдо-Дионисия Ареопагита «О таинственном богословии». Этот небольшой трактат «развивает идею запредельного Божественного абсолюта средствами апофатики, раскрывая индуктивное восхождение в ноуменальную сферу, где Богопознание трансформируется в некое молчание перед „блистающим мраком“ Божественного неведения» [Макаров, 2002, 5].

Именно в трактате «О таинственном богословии» и указаны те два пути Богопознания, о которых шла речь выше, при этом первый путь, катафатический, оценивается Псевдо-Дионисием отрицательно, в то время как апофатический — как единственно верный: «Первый ведет нас к некоторому знанию о Боге — это путь несовершенный; второй приводит нас к полному незнанию — это путь совершенный и единственно подобающий Богу, непознаемому по своей природе» [Лосский, 2013, 33].

В книге русского богослова, философа протоиерея Сергия Николаевича Булгакова «Свет невечерний» содержится целый раздел, посвященный апофатическому богословию, который включает в себя экскурс в историю такого явления, как «мистическое», «отрицательное богословие» [Булгаков, 1994, 94–130]. Если В. Н. Лосский рассматривает, по сути, только трактат Псевдо-Дионисия и развивает богословские

идеи, то С. Н. Булгаков рассматривает апофатику как богословский и духовный феномен в исторической перспективе, в контексте различных учений. По С. Н. Булгакову, начала отрицательного богословия можно найти в европейской традиции еще у Платона и Аристотеля, которые, при всем различии их философских систем, сходились в том, что Бог трансцендентен и надмирен, а поэтому не может быть описан в категориях человеческого языка [Булгаков, 1994, 94–96]. Далее С. Н. Булгаков кратко описывает философию Плотина, Филона Александрийского и затем переходит к традициям апофатики в Александрийской богословской школе (св. Климент Александрийский, Ориген). Также отдельно упоминаются святые отцы-каппадокийцы — свв. Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский — как представители «средней линии богословского мышления по вопросу о постижимости и непостижимости Божией» [Булгаков, 1994, 102–105]. Для них трансцендентность Бога, Его принципиальная непостижимость и непознаваемость как основной мотив апофатики встраиваются в богословскую систему, которая по своей сути катафатична. Помимо отцов-каппадокийцев, С. Н. Булгаков рассматривает также богословие св. Максима Исповедника [Булгаков, 1994, 109–110], св. Иоанна Дамаскина [Булгаков, 1994, 111], св. Григория Паламы [Булгаков, 1994, 111–113].

В этой же главе «Света невечернего» есть раздел, посвященный отрицательному богословию в немецкой и английской мистике [Булгаков, 1994, 122–128], среди представителей которой С. Н. Булгаков выбирает для краткого обзора Мейстера Экхарта (по орфографии о. Сергия, Эккертгарта) и его последователей, Таулера и Сузо, а также Себастиана Франка (XVI в.), Ангелуса Силезиуса и его поэтическое богословие, Якова Бёме и английского мистика Джона Поредджа. Как видно, большинство мистиков, которых упоминает С. Н. Булгаков, жили и творили в XVI–XVII вв. (за исключением Экхарта, Таулера и Сузо, живших в XIV в.). Все приведенные имена объединены одной темой — непознаваемости Божества, Его полной трансцендентности и несравнимости с чем-либо. Примечательно, что среди английских источников не упоминается анонимный трактат «Облако неведения», являющийся одним из образцов апофатического богословия в западной традиции. Таким образом, практически все тексты западноевропейских мистиков, указанные о. Сергием Булгаковым, хронологически были созданы позже, чем тексты средневековых английских мистиков, и являются лишь продолжением той традиции, о которой идет речь.

В уже цитированной работе В. Н. Лосского, однако, содержится упоминание западных мистиков в сравнении их с восточно-христианскими святыми в контексте мистического индивидуализма, то есть того личного опыта Богопознания и Богообщения, в котором святые и мистики проходили и путем отрицания или апофатики: «Личный опыт великих мистиков Православной Церкви чаще всего нам неизвестен. За редким исключением в духовной литературе христианского Востока нет таких „душевных“ автобиографических повествований о своей внутренней жизни, как у Анжелы из Фолиньо, Генриха Сузо или Терезы из Лизье... Путь мистического соединения с Богом — почти всегда тайна между Богом и душой, которая не раскрывается перед посторонними, разве только перед духовником или некоторыми учениками... Нужно признать, что мистический индивидуализм и в западной духовной литературе появляется довольно поздно, примерно в XIII веке. Так, например, Бернард Клервоский (XII в.) говорит непосредственно о своем личном опыте очень редко, всего только один раз — в проповедях на библейскую Песнь песней» [Лосский, 2013, 27–28]. Те тексты, которые вскоре станут объектом анализа в настоящей работе — в частности, «Облако неведения», «Откровения Божественной любви», — также являются рассказами о внутренней жизни, послужившими становлению и развитию в том числе автобиографического жанра в европейской прозе.

В пределах данной небольшой статьи не ставилось цели подробно осветить апофатическую традицию, и приведенный небольшой экскурс в историю и традицию апофатического богословия и богопознания направлен прежде всего на более полное

раскрытие смысла и особенностей уже упомянутого текста — анонимного английского трактата «Облако неведения» (The Cloud of Unknowing).

Трактат датируется примерно второй половиной или концом XIV в., однако оригинальный текст этого сочинения не сохранился: большая часть списков относится к XV в., и всего существует 17 манускриптов, шесть из которых хранятся в Британском музее. «Облако неведения» становится известным и читаемым среди английских католиков только в XVII в.: в это время бенедиктинский монах Августин Бейкер (1575–1641) пишет объемный комментарий к данному трактату, и долгое время этот комментарий остается единственной рефлексией над анонимным средневековым сочинением [Underhill, 1922, 14]. Уже в XX в. текст «Облака неведения» привлек внимание исследователей, стал переводиться со среднеанглийского на современный английский язык и выдержал несколько изданий.

Полное название трактата звучит как «A Book of Contemplation the which is called The Cloud of Unknowing, in the which a Soul is oned with God» («Книга Созерцания, называемая Облако неведения, в котором душа становится единой с Богом»). Уже в самом названии содержится лексическая отсылка к тем фрагментам библейского текста, в которых Господь предстает в образах облака: «над крышкою [ковчега Завета] Я буду являться в облаке» (Лев 16:2). В Ветхом Завете есть и другой фрагмент, где о Господе говорится как о находящемся во мраке: «Наклонил Он небеса и сошел; и мрак под ногами Его... и мраком покрыл Себя, как сению, сгустив воды облаков небесных» (2 Цар 22:10, 12). Образ Господа как образ облака не является частым для библейского текста: описание Господа, пребывающего во мраке, не совсем типично для библейского и, шире, для религиозных текстов. Чаще всего образом Бога становится свет, огонь, сияние, то есть всё, связанное с символикой света. Приведенные ветхозаветные фрагменты служат основой традиции апофатического богословия, часто ссылающейся именно на эти места Священного Писания: Господь непознаваем, и мрак здесь не обладает негативными коннотациями, но является символом если не сущности Божией, то как раз Божественной непознаваемости.

Библейский текст представляет Бога в образе облака, однако в упомянутом английском средневековом трактате этот образ несколько трансформируется:

...for I call it a darkness or a cloud. That it be any cloud congealed of the humorous that flee in the air, nor yet any darkness such as is in thine house on nights when the candle is out. <...> For when I say darkness, I mean a lacking of knowing: as all that thing that thou knowest not, or else that thou hast forgotten, it is dark to thee; for thou seest it not with thy ghostly eye. And for this reason it is not called a cloud of the air, but a cloud of unknowing, that is betwixt thee and thy God (Cloud of Unknowing, 1944, 26).

...ибо я называю это тьмой или облаком. Но это не то облако, застывшее в воздухе, и не та темнота, которая приходит в твой дом по ночам, когда не горят свечи... Ибо когда я говорю «тьма», я имею в виду отсутствие знания, потому что все те вещи, которые ты не знаешь, или те, которые ты забыл, есть тьма для тебя, так как ты не видишь их своим несовершенным зрением. И поэтому оно не называется облаком воздуха, но облаком неведения, то самое, которое между тобой и твоим Господом.

Таким образом, облако в английском средневековом трактате — это не образ Самого Бога, как в Священном Писании, но образ познания Бога или образ пути к Богу: тьма, о которой говорит автор, есть тьма или облако незнания, за которым скрывается Господь. Незнание, неведение, которое в трактате выражается через образ тьмы, есть путь отрицания тварности, причем это отрицание вовсе не означает отречение, а именно забвение: только забыв о «вещах», можно обрести истинное познание. Интересно, что подобное неведение не оценивается анонимным автором отрицательно: далее в пятой главе речь идет о том, какой путь познания будет истинным:

Thee thinketh peradventure, that thou art full far from God because that this cloud of unknowing is betwixt thee and thy God: but surely, ... thou art well further from Him when thou hast no cloud of forgetting betwixt thee and all the creatures... (Cloud of Unknowing, 1944, 27).

Возможно, ты думаешь, что ты так далеко от Господа, потому что это облако неведения находится между тобой и твоим Богом; но несомненно... ты намного дальше от Него, когда между тобой и всеми созданиями нет облака забвения.

Здесь еще раз, но другими словами выражена та же мысль, которая звучала выше: между человеком и «созданиями» должно быть «облако забвения», то есть забвение тварного мира, погружение в полную тьму (тьму неведения). Тот же путь анонимный автор трактата избирает и для отношений «человек — Бог»: между человеком и Богом также должно быть «облако», но «облако неведения», то есть человек должен словно «не знать» Бога, точнее, забыть все свои знания о Нем. Интересно, что в тексте «облако неведения» (cloud of unknowing) и «облако забвения» (cloud of forgetting) употребляются как синонимы: с одной стороны, «неведение» отделяет человека от Бога, потому что Господь изначально непознаваем; с другой стороны, «забвение» — это то, что должно отделить человека от вещей, то есть от тварного мира, чтобы, удалившись от твари, он приблизился к Творцу. Итак, получается, что «облако забвения» есть путь к Богу, но путь отрицательный, так как он отрицает возможность какого бы то ни было конкретного ответа на вопрос о том, каков Господь.

При этом полное название трактата также дает ключ к пониманию смысла текста: облако неведения, в котором происходит соединение души с Богом. Таким образом, душа соединяется с Господом как раз в незнании, неведении того, Кто или Что есть Господь. Именно отрицание знания дает душе возможность приближения и слияния с Божественным.

Первая глава предлагает читателю четыре ступени христианской жизни (four degrees of Christian men's living): Common, Special, Singular, Perfect. Перевод на русский язык, возможно, не отразит специфики заложенного анонимным автором смысла: обычная ступень, особая, единственная, совершенная. О первых трех говорится как о тех, которые могут быть достигнуты уже в этой жизни, и только последняя — «совершенство» — оценивается как вечная, та, которая может быть достигнута и в этой, земной жизни, однако продолжение ее, несомненно, ждет нас только в жизни будущего века.

В шестой главе анонимный автор указывает на основную мысль, основной «концепт» трактата: именно так гласит подзаголовок этой главы «A short conceit of the work of this book, treated by question». В этой короткой главе содержится одна фраза, которая характеризует «Облако неведения» как апофатический трактат и которая говорит именно о том, Кто есть Сам Господь:

But now thou askest me and sayest, "How shall I think on Himself, and what is He?". And to this I cannot answer thee but thus, "I wat not" (Cloud of Unknowing, 1944, 28).

Но теперь ты спросишь меня: «Как мне надлежит думать о Самом Боге, и о том, что Он есть?». И я ничего другого не смогу ответить, как только: «Я не знаю!».

Этой фразой начинается шестая глава, в которой анонимный автор трактата избирает апофатический путь Богопознания, причем отрицает не только то, что Бога можно определить через какие-то сравнения и понятия, но и то, что о Боге вообще можно мыслить:

...of God Himself can no man think... He may well be loved, but not thought. By love may He be gotten and holden; but by thought never (Cloud of Unknowing, 1944, 28).

О Самом Боге ни один человек не может думать... Он [Господь] может быть любим, но не мыслим. Через любовь Он может быть постигнут и удержан, но не через мысль.

Таким образом, единственное, что может быть сказано о Боге, это «любовь» — слово, которое употребляется в трактате и по отношению к Божеству, и к способу Богопознания. Всё остальное, согласно автору трактата, должно отрицаться, так как мысли, логическое мышление, попытки дать Богу определения, эмоциональное или рациональное отношение будут только удалять человека от Бога, в то время как любовь и погружение в полное неведение есть путь сближения с Божественным.

Далее начинается путь, по которому необходимо следовать, чтобы избавиться от мыслей, точнее — чтобы пресечь попытки рационального постижения Божественной сущности: седьмая глава озаглавлена как «How a man shall have him in this work against all thoughts, and specially against all those that arise of his own curiosity, of cunning, and of natural wit» («Как человеку надлежит обрести себя в труде по преодолению мыслей и особенно по преодолению своего любопытства, хитрости и природного остроумия»). Таким образом, с одной стороны утверждая неведение, отрицание каких-либо мыслей о Боге, с другой стороны автор «Облака» говорит об отказе именно от рационального постижения в пользу иррационального: в качестве синонимов используются слова *curiosity*, *cunning*, *natural wit*. Все эти лексемы объединены одной семантикой — «хитрость, хитроумие», но каждая из них при этом обладает своими коннотациями: *curiosity* обозначает скорее «любопытство», то есть хитрость, на которую идут ради удовлетворения своего любопытства; *cunning* может переводиться и как «коварство», то есть это хитрость с отрицательным оттенком значения. *Natural wit* дословно переводится как «природное остроумие», притом слово *wit* обычно не обладает негативными коннотациями и является обозначением такого качества человеческого ума, которое позволяет логически связывать предметы и явления между собой, образуя тем самым некие метафорические связи. Позже именно это слово стало знаковым для творчества английских поэтов XVII в., названных «метафизиками» (Джон Донн, Джордж Герберт), использовавшими это понятие в качестве основного поэтического принципа, придав ему при этом религиозный характер: для них *wit* стало связующим звеном между миром бытовым и миром бытийным. Разум, «хитроумие» может быть использовано для сопряжения далеких понятий, для сравнения, в том числе — лежащего в основе метафоры. Именно так посчитали позже поэты английского позднего Возрождения и барокко.

Однако автор «Облака» последовательно отвергает все три типа «хитрости», или проявления человеческого разума, так как разум, логика не способны даже приблизить человека к общению с Богом, — таков путь отрицания в смысле отрицания логического, понятийного мышления.

Следует отметить, что «Облако неведения» содержит отсылки к Священному Писанию, в первую очередь к Евангелию: так, главы восемнадцатая и девятнадцатая с подзаголовками «How that yet unto this day all actives complain of contemplatives as Martha did of Mary» и «A short excusation of him that made this book teaching how all contemplatives should have all actives fully excused of their complaining words and deeds» посвящены осмыслению евангельской истории Марфы и Марии — именно этот сюжет стал одним из самых употребляемых в европейской духовной традиции, особенно более поздней англиканской, когда речь заходила о совмещении жизни деятельной и жизни созерцательной. На первый взгляд, анонимный автор «Облака» должен был бы избрать своим предметом созерцательность Марии, однако обе главы он посвящает Марфе, как будто оправдывая ее: «...she should be full well had excused of her plaint, taking regard to the time and the manner that she said in it. For that she said, her unknowing was the cause» («...ее жалобы [на Марию] можно вполне извинить, принимая во внимание то, когда она это сказала и как она это сказала. Ведь причиной того, что она сказала, является ее незнание»). Наиболее интересным моментом здесь является

то, что евангельский текст автор интерпретирует в своих терминах, употребляя по отношению к Марфе слово *unknowing* — то самое, которое не только было вынесено в заглавие всего трактата, но и стало ключевым для понимания мысли автора.

«Облако неведения» является не единственным, хотя и ярким примером «отрицательного богословия», повлиявшим на последующие тексты и на становление английской и, шире, европейской мистической прозы. Отчасти подобные образы и мотивы можно встретить в произведениях святой Юлиании Норвичской (Юлиания из Норвича, или Нориджа), английской духовной писательницы, монахини, жившей в середине XIV — начале XV вв., а также в произведениях Ричарда Ролля из Хемпола, английского монаха и мистика XIV в. Также важно, что апофатическая традиция в западноевропейской христианской мистике продолжилась. Мысли, схожие с теми, что высказаны в «Облаке неведения», можно найти у Сан Хуана де ла Крус (св. Иоанна Креста; 1542–1591), испанского мистика, автора стихов и богословских трактатов — интерпретаций этих стихов («Восхождение на гору Кармель», «Темная ночь», «Пламя любви живой»). В первых двух упомянутых книгах св. Иоанн Креста говорит о «темной ночи души», которая наступает, когда душа человека ступает на путь поиска Бога, и только пройдя через эту темную ночь, возможно приблизиться к Богу. В этом смысле испанский святой повторяет мысли анонимного английского автора, написавшего «Облако неведения»: Господь не познаваем через определения или путем чувственным — Богопознание возможно только через отрицание и через любовь (об этом говорится в трактате «Пламя любви живой»). «Еще интереснее вопрос с английским анонимным трактатом XIV века „Облако незнания“, в котором за два века до Хуана де ла Крус выражена вся суть его взглядов» [Винарова, 2006, 14]. В частности, Сан Хуан де ла Крус является автором двух трактатов — «Восхождение на гору Кармель» и «Темная ночь», которые представляют собой своеобразный диптих, комментирующий небольшое стихотворение под названием «Темная ночь души» (*Noche oscura del alma*). Метафора «темной ночи», при своей кажущейся простоте, очень сложна, многогранна и противоречива: темная ночь — это и «узкий путь», ведущий человека к Богу, и своеобразная характеристика Божества, непознаваемого, находящегося во мраке. «Темная ночь» — это образ, который используется св. Иоанном Креста в персоналистическом смысле: в аспекте отношений каждого человека, каждой личности с Богом, и во многом это образ, предлагаемый автором «Облака неведения», при этом несколько переработанный и измененный.

Таким образом, в английском средневековом трактате «Облако неведения» содержится несколько смысловых пластов, вписывающихся в апофатическую богословскую традицию. Во-первых, речь идет о пути Богопознания: анонимный автор говорит о том, что необходимо «забвение» (*forgetting*) тварного мира для того, чтобы приблизиться к Господу. Во-вторых, в тексте также говорится о сущности и свойствах Самого Бога: о Господе не может быть рассказано никак иначе, как только «я не знаю». При этом английский трактат наследовал традиции христианской мистики.

Источники и литература

Источники

1. *Cloud of Unknowing* (1944) — *The Cloud of Unknowing: And the Book of Privy Counseling* / Ed. by Phyllis Hodgson. Oxford University Press, 1944.

Литература

2. Булгаков (1994) — *Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения*. М.: Республика, 1994.

3. Винарова (2006) — *Винарова Л.* Предисловие // Святой Хуан де ла Крус. Темная ночь. М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2006.
4. Лосский (2013) — *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. СТСЛ, 2013.
5. Макаров (2002) — *Макаров А.И.* Неоднозначность религиозно-философских оснований Ареопагитик в связи с некоторыми особенностями идейной жизни средневековой Европы и Руси // *Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А.* Древнерусские Ареопагитики // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. III (1). М.: Кругъ, 2002.
6. Underhill (1922) — *Underhill E.* Introduction / The Cloud of Unknowing. Kinde Edition, 1922.